

Традиционная семья в Чехии: социальные и культурные вызовы после 1989 г.

Abstract:

Korovitsyna N.V. *Traditional family in the Czech Republic: social and cultural challenges after 1989.*

The author analyses, how the historical shifts in social development of the region towards European integration have affected the institute of family in the Czech Republic at the beginning of the twenty first century.

Ключевые слова: Чешская Республика, социальная трансформация, второй демографический переход, модернизация ценностей.

Период истории славянских народов после 1989 г., насчитывающий уже ровно четверть века, нуждается в научном осмыслении. Завершился очередной цикл смены поколений, позволяющий – опираясь на конкретные данные – понять важнейшие системные сдвиги в общественном развитии посткоммунистического региона по пути европейской интеграции. Одним из них стала либерализация режима демографического воспроизводства населения сразу вслед за сменой режима политического. Молодежь рубежа XX–XXI вв. явилась носителем процессов интенсивной трансформации традиционной семьи и семейных ценностей.

Однако именно семейная солидарность на протяжении столетий служила основой существования, например, «чешского человека», который с давних пор прочно держит судьбы своего народа в собственных руках, полагаясь, прежде всего, на институт семьи. Его не поколебали события послевоенного периода, когда Чехия вместе с другими странами бывшего восточноевропейского блока испытала консервативную модернизацию периода социализма (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования). В те годы брак и семья стали необходимой жизненной стратегией и важнейшей ценностью людей¹. Особенно ярко это проявилось в период «нормализации» общественной жизни в Чехословакии после событий Пражской весны 1968 г., когда осуществлялась демографическая политика, ориентированная на активную поддержку семьи, материнства и детства с целью стимулирования ранних браков и раннего обзаведения потомством. «Бегство в семью» происходило в условиях дефицита товаров и услуг, ограниченных возможностей путешествий, учебы, карьеры, использования свободного времени при облегченном пути создания семьи, когда государство устранило

его материальные барьеры, а семья воспринималась многими людьми как единственная альтернатива официальной власти.

Усиление поддержки традиционной семьи и ее ценностей в Чехословакии и других странах востока Европы во втором послевоенном 20-летии совпало с переходом к обществу потребления, но не индивидуалистического потребления западного типа, а скорее семейного. По утверждению чешского социолога И. Можны, «социализм у нас начался с того, что обобществил семью, а закончился тем, что был семьей тотально колонизирован»². До конца 1980-х годов Чешская Республика принадлежала к числу стран с универсальным уровнем заключения браков и рождения детей, т.е. в брак вступало хотя бы раз в жизни подавляющее большинство населения (95–97%), преимущественно в очень молодом возрасте, и бездетными оставались не более 7% женщин. Чешские социодемографы пишут о традиционных чертах брачного поведения в социалистической Чехословакии³, а в общественную науку стран региона даже вошло особое понятие – восточноевропейский тип демографического поведения и соответствующая ему модель семейной жизни, специфическим образом сочетающие традицию и современность. Их отличает признание высокого уровня эмансипированности женщин на рынке труда, предпочтение брачного союза другим формам партнерских отношений, сознание, что воспитание детей составляет сердцевину семейных отношений, и одобрение развода как формы разрешения супружеского конфликта⁴. Следующая этой модели Чехия, как и вся Восточная Европа периода социализма, по количеству вступающих в брак тяготела к группе стран с выраженной традицией католицизма, отличаясь от нее, правда, гораздо более высокими показателями разводов. Республика до 1989 г. принадлежала к числу традиционных обществ Центральной и Восточной Европы в том отношении, что взрослая жизнь здесь ассоциировалась с появлением потомства, и сохранялся довольно высокий возраст ухода из родительской семьи⁵.

Однако уже спустя два-три года после перехода к рыночной экономике демографические показатели начали резко изменяться. После смены парадигмы общественного развития «старая социалистическая» модель демографического режима, обеспечивавшая простое воспроизводство населения, стала сменяться на «новую трансформационную» – исторически беспрецедентную даже для чешской нации как самой западной и самой секуляризированной в посткоммунистическом мире. Главным проявлением либерализации демографического режима явился спад рождаемости (среди довольно многочисленных когорт так наз. гусаковского бэби бума 1974–1978 гг.), гораздо ниже уровня обеспечения воспроизводства населения. Как и в остальных бывших социалистических странах, в Чехии в течение нескольких лет уровень рождаемости, который был одним из самых высоких в Европе, упал до одного из самых низких в мире. Исторически минимальный для ЧР уровень рождаемости был преодолен уже в 1994 г., и впервые со

времен Первой мировой войны началась естественная убыль населения, которая, согласно прогнозам, не будет преодолена в обозримой перспективе. Падение рождаемости сопровождалось значительным снижением интенсивности заключения браков – на два десятилетия позже аналогичного процесса, начавшегося на Западе под названием второго демографического перехода (первый был неотделим от формирования общества современного индустриального и городского типа) как завершения «золотого века» брака и плюрализации форм семьи с наступлением эпохи постмодерна. Единственным процессом в семейной сфере на рубеже XX–XXI вв., разительно не отличавшимся от предшествующих тенденций развития, был продолжающийся рост разводов: сейчас в республике каждый второй брак распадается – это один из самых высоких в мире показателей.

Институт брака в последнее 20-летие в ЧР терял свой привычный охранительный смысл и монопольное положение как форма партнерских отношений. Все большее распространение получали прежде маргинальные их формы: незарегистрированные супружеские союзы (особенно ставшие общей нормой добрачные союзы), гомосексуальные пары, жизнь в одиночестве или неполных семьях. Одновременно значительно повысились брачный возраст и возраст рождения первого ребенка, процент бездетных людей (сама бездетность стала восприниматься как проблема выбора стиля жизни) и внебрачных детей (свободное материнство превратилось в стратегию улучшения материального положения), менялись массовые представления о супружестве и родительстве. Согласно результатам опросов общественного мнения, в вопросах супружества и брака у чехов уже начинают преобладать либеральные взгляды, тогда как в вопросах родительства остаются преимущественно консервативные. Немаловажно, что тесная взаимосвязь семейных и потребительских ориентаций, существовавшая в чешском обществе, с появлением значительных материальных различий между бездетными и семьями с детьми сменилась взаимным противопоставлением этих ориентаций, когда люди оказывались перед выбором – семья или экономическое благополучие⁶.

Происходившие в условиях глубоких экономических и культурных трансформаций после 1989 г. перемены в жизни семьи восточноевропейского типа приобрели подлинно революционный характер. На этом фоне с конца 1990-х годов в чешской науке идет дискуссия о соотношении структурных и ценностных факторов детрадиционализации семейной сферы в стране. Причем Чехия с ее специфическим историческим опытом движения «от капитализма к социализму и обратно», а также богатейшим исследовательским инструментарием в области общественных наук превратилась в «социальную лабораторию», способную решать ключевые вопросы современного развития в регионе. А именно – произошедшие после 1989 г. социодемографические сдвиги явились лишь отложенным на одно поколение повторени-

ем западного пути развития к обществу постмодерна через так наз. тихую (ценностную) революцию по Р. Инглхарту или были специфическим восточноевропейским феноменом периода общественной трансформации? И в чем в таком случае заключается основной смысл посткоммунистической динамики в целом – в приближении к европейским стандартам или кризисном развитии в странах бывшего восточноевропейского блока? Демографическая проблематика оказывается, таким образом, тесно сопряженной с политической, особенно в вопросах поиска выхода из сложившейся ситуации.

«Если второй демографический переход является неизбежным результатом расширяющейся свободы индивида, то ни одно демократическое общество не может “уберечься” от него. В том числе и чешское». Это одно из двух главных объяснений произошедших с чешской семьей перемен – результата ускоренного второго демографического перехода, который сопровождался ростом индивидуализма и потребности в самореализации в среде молодого поколения, т.е. *культурными* факторами. Так, падение рождаемости в среде молодежи 1990-х годов связывается с отложенным на более поздний возраст деторождением. В рамках этой парадигмы обосновываются преимущественно позитивные аспекты общественного развития после падения «железного занавеса», выражающиеся в значительном расширении спектра жизненных возможностей (образования, карьеры, путешествий, выбора товаров и услуг) как универсальной тенденции, закономерности перехода на более высокий – постсовременный – цивилизационный уровень, соответствующий западным образцам и достигаемый в результате евроинтеграции. Смена режима демографического воспроизводства рассматривается как свидетельство успешности геополитического «дрейфа» Чешской Республики в западном направлении.

Существует альтернативное представление о приоритете «внутренних» – ценностных – факторов объяснение демографических сдвигов и трансформации семьи. Его сторонники отдают приоритет «внешним» *социально-экономическим* условиям существования людей после 1989 г. Акцентируются скорее негативные аспекты перемен, выражающиеся в появлении новых барьеров при создании семьи и обезвреждении потомством в условиях кризисного развития (похожие процессы впервые наблюдались в стране в 1930-е годы), сопровождающегося демографическим шоком. В данном случае речь идет не столько о сходстве общеевропейских тенденций развития, сколько о различиях в темпах, последовательности и масштабах динамики демографического поведения западной и восточной частей Европы. Подчеркивается, что новые ценности, нормы и взгляды на Западе формировались в период экономического роста и социальной стабильности 1970–1980-х годов, тогда как в посткоммунистических странах – в гораздо менее благоприятном постреволюционном контексте. В этот период произошли ошутимое ухудшение экономических показателей стран и домохозяйств, рост матери-

альной дифференциации общества и неравенства в доходах, появилась безработица, люди стали бояться оказаться в категории бедных, наконец, совершился отказ от политики «сплошной» поддержки семьи и рождения детей в годы позднего социализма. Система социальных пособий неоллиберальной власти, ориентированная на материальную поддержку преимущественно нижних (малоквалифицированных и малооплачиваемых) слоев населения, как отмечалось, латентно способствовала росту внебрачной рождаемости в этой среде. В свою очередь, женщины-профессионалы, поставленные перед выбором – работа или семья, стали отдавать приоритет производственной деятельности и покидали скорее репродуктивный рынок, чем трудовой⁸.

Согласно результатам социологических исследований, взгляды чехов на семью были и остаются значительно более консервативными по сравнению с народами Западной Европы (особенно, что касается приверженности двухдетной модели семьи и традиционного разделения труда в семье)⁹. Чехи и сейчас не склонны считать брак старомодным институтом (что более характерно для Германии или Голландии, но меньше всего для католической Польши). Ориентация на семью и рождение детей по-прежнему глубоко укоренена в сознании чешской молодежи, но ее репродуктивные планы пришли в противоречие с «катастрофически ухудшившимися» у некоторых групп общества¹⁰ материальными возможностями их реализации, что и привело к глубоким структурным сдвигам в семейном поведении чешского населения¹¹. В конечном счете, эти сдвиги предопределило то, что называют *эффектом периода*, подразумевая под ним и переход к рыночному и открытому обществу после 1989 г., и возникшие в связи с этим экономические проблемы значительной части населения¹².

С начала первого десятилетия 2000-х годов в Чехии изучается зависимость вероятности вступления в брак и других демографических показателей от уровня образования различных возрастных когорт населения. Полученные данные свидетельствуют о нарастании социальной стратификации брачного поведения после 1990 г., а особенно после 1995 г. Причем, спад количества браков среди наименее образованных слоев – в новом историческом контексте наиболее подвергнутых социальным и экономическим рискам – начался непосредственно после 1989 г. и был особенно выразительным¹³.

Одновременно обнаружена любопытная закономерность, ставящая под сомнение объяснение современных процессов детрадиционализации семьи сдвигами в системе ценностей. Оказалось, что толерантные чехи, декларируемые взгляды и реальное поведение которых в последнее время явно расходятся, действуют по принципу: «передовые взгляды – традиционное поведение»¹⁴. Подобное противоречие особенно характерно для высокообразованных слоев чешского общества, которые со второй половины 1990-х

годов все чаще вербально соглашаются с нетрадиционными отношениями, но лично для себя предпочитают их наиболее консервативные формы – так наз. прямой брак без испытательного срока¹⁵. Причем, только 3% высокообразованных считают идеальным одного ребенка в семье, а три четверти предпочитают семью с двумя детьми, тогда как на однодетную семью чаще всего ориентируются люди с неполным (восьмилетним) средним образованием¹⁶. Последние в большинстве своем считают законный брак идеальной формой партнерского союза, но на практике чаще всего остаются незамужними и одинокими¹⁷.

В период вступления ЧР в Евросоюз пропагандировалось, что нетрадиционные формы семейного поведения получают распространение в результате вестернизации общества, прежде всего среди прогрессивных либеральных и высокообразованных слоев населения – современных, богатых и успешных, которые считают институты брака и даже материнства устаревшими пережитками, пригодными лишь для отсталых, зависимых групп общества. Развитие событий показало, что это совсем не так, и характерный для чехов скептицизм ярко проявился в среде высокообразованных. Они оказались меньше всего подверженными воздействию либеральной риторики, повлиявшей скорее на брачное поведение малообразованных граждан (особенно выделяются категории с неполным средним образованием и неквалифицированных рабочих) с неразвитым критическим мышлением¹⁸. Примечательно, что в последнее десятилетие регистрируется определенная ментальная контрреакция чешского общества на «либеральные 1990-е», противоположная процессам в западноевропейских странах¹⁹.

Результаты конкретных исследований, проведенных в ЧР, показывают, что быстрые и кардинальные сдвиги в режиме демографического воспроизводства страны на рубеже XX–XXI вв. были вызваны не столько сдвигами в ценностных ориентациях и образе жизни людей, сколько возникли как результат значительного ухудшения экономического положения некоторых слоев общества – «проигравших» от смены общественного порядка. В их среде кумулируются эффекты перемен в семейном поведении. Об этом ярко свидетельствует сильная негативная зависимость внебрачной рождаемости от уровня образования населения страны.

Увеличение в период общественной трансформации доли внебрачных детей в Чешской Республике с менее 8% до свыше 30%, а в абсолютном выражении – утроение, представляет собой сегодня наиболее острую проблему чешской семьи. Она сопоставима по значению с одновременным общим спадом рождаемости и уменьшением числа детей, рожденных замужними женщинами, почти наполовину. Причем, внебрачная рождаемость со всеми ее социальными последствиями в современной Чехии по-прежнему находится на подъеме, несмотря на то, что лишь для 12% незамужних матерей брак является пустой формальностью²⁰. Критикуя идеологизированные

трактовки проблемы, специалисты не устают повторять: «нет ничего более далекого от действительности, чем представление, что типичная незамужняя мать – успешная, образованная и эмансипированная»²¹. В такой социальной категории подобное явление скорее представляет маргинальное явление или исключение, и ребенок в 90% случаев просто появляется в незарегистрированном союзе. Поэтому у высокообразованных матерей сейчас (в начале 1990-х годов так не было) выше вероятность последующего брака или брака в недалекой перспективе.

Вместе с тем действительно типичная незамужняя мать – это одинокая женщина молодого возраста с самым низким уровнем образования из неблагополучных в социально-экономическом отношении, как правило, переживших в 1990-е годы деиндустриализацию регионов северной и западной Чехии (лидирует среди них Мост). Речь идет о регионах страны с высоким уровнем безработицы, смертности, количества разводов, суицидальности, с низкой средней заработной платой и религиозностью населения, наконец, с большим числом людей цыганской национальности. Напротив, Прага с повышенной долей высокообразованных и с максимальными в республике душевыми доходами ее жителей, которая могла бы быть бастионом «современных» форм поведения и альтернативного мышления, отличается пониженной долей внебрачных рождений. Правда, до демографической революции конца XX в. здесь наблюдался относительно высокий их уровень, но теперь он аналогичен показателям сельских поселений с менее 2 тыс. жителей, для которых характерен наиболее традиционный способ поведения²².

Уровень образования (а фактически социальное положение) в нынешней Чешской Республике является главным дифференцирующим признаком демографического поведения, в том числе внебрачной рождаемости. Обнаружена линейная зависимость: чем ниже уровень образования, тем больше вероятность, что мать ребенка в момент его рождения не будет состоять в браке, а отец не будет поддерживать с ним контактов²³. Причем, неблагоприятные экономические условия способствуют росту социальных различий, и в «бедных» регионах у низкообразованных женщин шансы стать одинокой матерью в 17 раз выше, чем у высокообразованных, тогда как в «богатых» – в 10 раз²⁴. В более религиозной среде социально-образовательные различия по этому показателю стираются. Высокообразованные женщины, несмотря на все чаще высказываемые ими прогрессивные взгляды, оказались, таким образом, в стороне от процессов трансформации демографического режима, как и рисков экономического неблагополучия в период перемен, 80% их состоит в браке на момент рождения ребенка. Настоящим объектом новых веяний, как семейного одиночества, так и незарегистрированного союза, стали в Чехии женщины с неполным средним образованием, для которых смысл жизни, по их признанию, напротив, все боль-

ше сводится к семье. Однако 70% их детей и 80% первых детей рождается вне брака и в большинстве случаев даже вне партнерского союза с отцом ребенка, и доля последних растет опережающими темпами²⁵. Малообразованные женщины чаще других придерживаются мнения, что и один родитель может воспитать ребенка. Следует заметить, что резкий рост внебрачной рождаемости во всем регионе Центральной и Восточной Европы после 1989 г. характерен в основном для одиноких, малообеспеченных матерей, тогда как большинство внебрачных рождений в Западной Европе происходит в контексте стабильных партнерских отношений²⁶.

«Свободное материнство» становится не только вынужденным выбором людей с крайне ограниченными жизненными альтернативами, но и своего рода перспективой, источником идентичности и основой положения в посткоммунистическом обществе. Среди самих матерей-одиночек преобладает объяснение подобного выбора отсутствием подходящего партнера, от брака с которым женщины этой социальной категории обычно ждут исправления своего положения, прежде всего экономического. Однако в современной Чехии у низкообразованных женщин наиболее высоки шансы встретиться с мужчинами аналогичного уровня образования, среди которых самая высокая в стране доля безработных, достигающая 25%. Они, согласно чешским опросным данным, меньше всего заинтересованы не только в браке, но даже в совместном проживании с матерью своих детей, практически не поддерживая с ними контактов. Не кто иной, как молодые низкоквалифицированные безработные мужчины, неспособные обеспечить семью, чаще всего в республике считают брак устаревшим институтом.

Наконец, для женщин из нижних слоев материнство является способом решения материальных проблем, поскольку в ЧР социальная политика ориентирована именно на одиноких матерей, и их правовой статус строго контролируется государством. В этой ситуации четверть женщин признается, что родили ребенка вне брака, руководствуясь финансовыми соображениями²⁷. Прагматичные «свободные матери» все чаще оказываются среди безработных и маргинализированных слоев населения, рассчитывая на помощь государства и родственников и теряя интерес к малооплачиваемому, рутинному, нередко физически тяжелому труду, предпочитая ему часто не меньшее по величине пособие по безработице. Даже по сравнению с замужними матерями они меньше ориентированы на активную производственную деятельность.

Существенно, что «ножницы» между различными социально-образовательными группами и регионами Чехии с точки зрения легитимности рождаемости, чем дальше, тем больше, что ведет к общей дестабилизации семейной среды в стране. Таким образом, общественная трансформация рубежа XX–XXI вв. отразилась на судьбах прежде всего достаточно многочисленных обедневших и опустившихся на социальное «дно» групп населения.

В их среде происходит распад семейной организации и утрата традиционных жизненных ориентиров. Капитализм оказался для чешской семьи более «твердым орешком» по сравнению с социализмом и его политикой консервативной модернизации²⁸.

Примечания

¹ Demografická situace České republiky. Proměny a kontexty 1993–2008. Praha, 2010.

² Česká společnost na konci tisíciletí. Díl 1. Praha, 1999. S. 31.

³ Rychtaříková J. Sňatečnost svobodných v České republice dříve a dnes // Demografie. 1995. № 3. S. 162.

⁴ Česká rodina v transformaci. Stratifikace, dělba rolí a hodnotové orientace. Praha, 1998. S. 36.

⁵ Proměny rodinných a profesních startů. Praha, 2010. S. 151–152.

⁶ Hašková H. Fenomén bezdětnosti. Praha, 2009. S. 25.

⁷ Rabušic L. Kde ty všechny děti jsou? Porodnost v sociologické perspektivě. Praha, 2001. S. 204.

⁸ Gender, Politics and Institutions. Towards a Feminist Institutionalism. New York, 2010. S. 116.

⁹ Kuchařová V., Tuček M. Sociálně ekonomické souvislosti rodinného chování mladé generace v České republice. Praha, 1999. S. 40.

¹⁰ Rychtaříková J. Současné změny charakteru reprodukce v České republice a mezinárodní situace // Demografie. 1996. № 2. S. 79.

¹¹ Hašková H. Fenomén bezdětnosti. S. 37.

¹² Proměny partnerství. Životní dráhy a partnerství v české společnosti. Praha, 2012. S. 119.

¹³ Ibid., S. 127.

¹⁴ Současná česká společnost, Sociologické studie. Praha, 2002, S. 132.

¹⁵ Děti na psí knížku? Mimomanželská plodnost v ČR. Praha, 2007. S. 35.

¹⁶ Коровицына Н. Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов. М., 2011. С. 164.

¹⁷ Chaloupková J., Šalamounová P. Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Praha, 2004. S. 18.

¹⁸ Sňatek a rodina: zájem soukromý nebo veřejný? Praha, 2006. S. 15.

¹⁹ Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries. Praha, 2010. S. 190.

²⁰ Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha. 2010. S. 377.

²¹ Děti na psí knížku? S. 8.

²² Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989: sociální a ekonomické souvislosti. Praha, 2006. S. 23.

²³ Hamplová D. Děti bez manželství nebo bez otců? // Data a výzkum. 2007. № 2. S. 142, 149.

²⁴ Jaká je naše společnost? S. 391.

²⁵ Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989... S. 8.

²⁶ Individuals and Households ... S. 31.

²⁷ Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989... S. 377.

²⁸ Česká společnost ... S. 30.